

Однако трактовка так называемого «перехода частей речи» как словообразовательного процесса или особого вида омонимии представляется спорной. При переходе частей речи семантическая связь между семемами с различными частеречными семемами, как правило, сохраняется, вследствие чего говорить об омонимии в этих случаях вряд ли возможно. Вряд ли можно рассматривать данное явление и как словообразование, поскольку в целом ряде случаев изменение частеречной принадлежности не сопровождается никакими лексико-семантическими изменениями. Словообразование же предполагает наличие изменений лексико-семантического характера.

Можно полагать, что в случае функционирования одной и той же единицы в качестве различных частей речи мы имеем дело не с омонимиями и не со словообразованием, а с особым рода полисемией - полисемией на уровне лексико-грамматических классов слов, или лексико-грамматической полисемией.

Признание лексико-грамматической полисемии не противоречит теории частей речи и не ставит под вопрос существование частей речи как лексико-грамматических классов слов. При лексико-грамматической полисемии мы имеем дело не с субстантивными, глагольными и атрибутивными формами некоего слова, не принадлежащего само по себе ни к какой части речи, а с разнокатегориальными значениями существительного, прилагательного, наречия и т.д. Принадлежность поликатегориального слова к той или иной части речи определяется на основании категориальной семы, присущей основному лексическому значению слова.

Отметим, что лексико-грамматическая полисемия является особым видом присущего словесному знаку «асимметричного дуализма», когда означаемое стремится получить новое означаемое, принадлежащее к другому лексико-грамматическому классу.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ

Харченко В.К.
Белгород

Сочинения “Моя родословная”, “История моей семьи”, “Моя семья” и более частные варианты темы (“Мои дедушка и бабушка”, “Братья и сестры”, “Детские годы”, “Будни и праздники нашего дома”), проводимые в качестве творческой работы среди учащихся, студентов и взрослых лиц, получающих заочное (нередко – второе высшее) образование, представляют собой выразительный и насыщенный материал, позволяющий изучать некоторые аспекты отечественной истории и социологии, краеведения и фольклористики, педагогики и психологии, этики и эстетики, причем изучать с неожиданных подчас позиций сохраняющихся в семейных историях аксиологических обобщений и

модельных частностей (запечатленных в памяти поколений фактов, деталей, «мелочей», приобретающих характер символов за неимением, утратой «сплошного текста памяти»).

Лингвистические аспекты семейных родословных для наблюдений и обобщений не менее плодотворны. Хотя приходится учитывать различия между письменным, текстовым материалом и диктофонными записями рассказов об истории семьи, в целом ряде случаев обнаруживаются совпадающие клише, тождественные фрагменты, поскольку ныне написанное и оформленное как сочинение, видимо, не единожды артикулировалось, проговаривалась в семьях как устойчивая и устоявшаяся устная история рода. Хотя приходится учитывать степень креативности (творческого начала) письменных текстов семейных родословных (от формально составленных «автобиографий» до талантливых сочинений, представляющих (почти без стилистической правки!) готовый художественный текст), почти во всех сочинениях просматриваются сквозные жанрообразующие признаки, диктующие тематику возможных лингвистических исследований. Рассмотрим некоторые из перспектив исследования.

Имена собственные в семейных родословных. Богатейший материал по антропологии (и несколько меньший по топонимике) делает сам жанр семейных родословных надежным средством изучения функционирования имени в ситуации смены поколений. Списки имен родственников автора текста дают возможность отнаблюдать разнообразие и динамику корпуса личных имен, образование гипокористических имен, проблему мотивированности в выборе имени. Особые абзацы посвящены фамилиям, не обойдены вниманием и прозвища, в том числе семейные, то есть родословные дают возможность проникать в игровую (семейно-дружескую) герменевтику имени. Еще один интересный аспект – имена известных людей в составе семейных родословных (*прадедушка устроил Сталину побег с ссылки, прадедушка дважды видел Ленина, дед воевал, и к ним в полк с концертом приехал Лемешев, мои предки были родственниками Шамиля*).

Аксиология семейных родословных. Описание членов семьи почти всегда сопровождается их эмоциональной оценкой. Щедрый материал для анализа выбора оценочного слова дает именно жанр семейных родословных. Оценочные характеристики иногда срабатывают как сюжетобразующее средство, поскольку требуют мотивировки и детализации. История семьи представляет собой концентрацию и консервацию положительных смыслов, позитивной модальности высказывания, и даже в тех случаях, когда пишется о чем-либо трагическом или некрасивом, стыдном, постпозитивное восприятие, попытка мудрого осмысления «постфактум» исключают акцентирование плохого. Частным аспектом может стать диахроническая аксиология, например такое обозначение, как *почетная крестьянская семья или почетный житель села* может составить предмет отдельного описания. Пора привести в качестве общей иллюстрации типичный отрывок из семейной родословной.

“Всем заправлял в семье дед Андриан он невесткам поручения давал, сыновьям указывал, что делать, детишек приструнивал Прожил он 116 лет, 16 из них был слепым, но несмотря на это оставался главой семьи. Стали его сы-

новья своими семьями жить. Демьянов Егор Андрианович женился на Дубенцовой Наталье Порфирьевне и было у них 6 детей: Прокофий, Николай, Сергей, Петр, Павел и Марфа. Очень гордился дед Андриан невесткой Натальей – женой Егора, что пять сыночек родила, ведь на каждого лица мужского пола выделялась земля. Стала семья жить зажиточно, богатеть на зависть соседям. Сыновья становились взрослыми, и вот уже Петр Егорович Демьянов отделился и стал жить своей семьей. Жили дружно, землю обрабатывали, растили детей. Он был типичным русским крестьянином. Честно и добропорядочно жил он, а похоронили его на церковном кладбище как почетного жителя села.” (ИМС, Т.А.Ч)

Концептосфера семейных родословных. Жанр истории семьи дает возможность изучать как типовые концепты в их языковом выражении (концепты «труд», «праздники», «детство», «родина»), так и оригинальные концепты, раскрываемые именно в данном жанре: концепт случая (благоприятного), концепт знакомства (как и где познакомились «он» и «она» – почти неотъемлемый участок сюжетостроения семейных историй, равно раскрываемый применительно к различным возрастным группам). Оригинален также концепт организации быта (что ели, как одевались, как проходил день, какова была домашняя утварь и пр.). Родословные за счет этого выполняют функцию «музейной лингвистики» с перечислениями, а то и небольшими описаниями таких «экспонатов», как макитры, кубышки, рушники, подзоры и пр.

Фразеологизмы и пословицы в семейных родословных. Показательно, что наряду с традиционными и ожидаемыми паремиями, в родословных используются и почти не употребительные, забытые речевые клише, как правило, в составе характеристики того или иного родственника, любившего повторять ту или иную пословицу, поговорку. Вообще, при дефиците сведений о далеких предках речевые особенности личности сохраняются в памяти семьи достаточно прочно, вот почему жанр обладает «многоголосием», а следовательно, дает ценный материал для постановки проблемы индивидуальности речи – не художника слова, а человека вообще, каждого человека. “Черт Поленьч” – так бранилась героиня одной из родословных, и семейное предание сохранило не только это слово из ее уст, но и целый словарь (свыше 50 единиц) именно ей принадлежащих речений. Иногда автор пишет о близком человеке, но в речевых предпочтениях мы узнаем возрастную составляющую многих людей, как в следующем отрывке.

“Бабушка всегда говорила две свои значительные фразы. «Я жизнь прожила», далее следовало подробное объяснение, как и в какой последовательности нужно что-либо делать (фраза должна была отместить предполагаемые попытки сделать по-своему) < > Вторая фраза могла предназначаться как маме, так и мне, и в ней тоже фигурировало слово «жизнь» «Я на тебя жизнь положила», говорила бабушка в случае, если ее обижали” (ИМС, К.М).

Зачины и концовки семейных родословных. Анализ рамочной конструкции необходим для понимания специфики жанра, однако эти части сочинений, пожалуй, наименее интересные, поскольку авторы, как правило, не выходят за пределы традиционных рассуждений о ценности семьи, значимости памяти

предков, называют себя Иванами, родства не помнящими, причем даже те, которые начинают историю семьи не с третьего, а с четвертого, а то и пятого колена. Стандарт начала и несколько реже стандарт конца вместе с тем срабатывают как жанрозакрепляющее средство, удерживающее динамичный «хроно-топ» серединной части развернутых семейных историй. Согласимся, быть талантливым в обобщениях на порядок труднее, чем талантливо описать частности жизни. По существу перед нами общее, единообразное начало всех родословных и общих, тоже почти единообразный «аккорд» конца (*дочь сын внучка когда-нибудь напишет продолжение этой родословной*).

Элементы художественности в стиле семейных родословных. Можно исследовать эти элементы выборочно: эпитеты, одиночные и развернутые метафоры, сравнения, градационные ряды, риторические вопросы и т.п. Но к данному аспекту можно подойти и более широко, если учесть, что эстетика родословного текста усилена и обусловлена его этикой. Писать о близких, самых любимых людях – значит писать старательно, вдумчиво, красиво, хорошо, поэтому исследователю всегда можно делать допуск на то, что о семье автор пишет лучшим своим языком, а это дает возможность наблюдения и отслеживания этого лучшего, прочерчивания сквозных его характеристики, обобщения, а также его лексикографической фиксации, сбора и сохранения. С этой целью мы включаем некоторые отрывки из семейных родословных в готовящийся нами к изданию Словарь богатств русского языка, демонстрирующий редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты. Эти отрывки иллюстрируют то или иное слово подчас отнюдь не слабее привычных и примелькавшихся «классических» иллюстраций.

Прагматический потенциал семейных родословных. Заинтересованность авторов, их небезразличие к тексту в целом и его деталям – хорошая почва для отслеживания потом прагматических ресурсов таких сочинений о семье. Этот аспект пересекается с аксиологическим, но носит более широкий характер. Скрытый педагогизм семейных родословных, использование их как средства воздействия стимулируют усиленное внимание к прагматическим возможностям рассказываемых семейных историй. Прагматика усиливается не столько даже за счет оценок, сколько за счет внутренних сюжетов семейных родословных. Сюжетика – особый аспект. Пружинная сжатость изложения, ограниченность текстовой площади оборачивается символической насыщенностью, силой воздействия «просто небольшого рассказа». Дефицит «страстей» в современной жизни, которым объясняют тягу к детективам и мелодрамам, для говорящего устраняется, когда заходит речь об истории его семьи, в которой концентрированно проступает трагическое и возвышенное.

Разумеется, мы перечислили не все аспекты, наша задача была привлечь потенциальных собирателей и исследователей к такому замечательному звену нашей национальной культуры и нашей коммуникации, каким оказываются «обычные» рассказы и «обычные» сочинения об истории своей семьи.